

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДАТЫ К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.М. ШУКШИНА

В. В. МАРОШИ¹

*Новосибирский государственный педагогический
университет*

РЕКА РОДА: СИМВОЛИКА ШУКШИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. М. ШУКШИНА

В статье интерпретируется эпизод романа В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» в контексте мифологии автора, геопоэтики и сюжетов русской деревенской прозы. Рассказ лжепатриарха о своей реке и деревне Шукше на уровне имплицитного автора становится нарративной этимологизацией фамилии самого писателя и легендой о происхождении своего рода. Лжепатриарх и патриарх Никон с разной степени полноты воплощают архетипы русского богатыря и мудрого старика, потерянного Отца. Они связаны с поисками Шукшиным типа жизнелюбца-священника, не чуждого плотских радостей. Этот герой близок этическому и эстетическому идеалам писателя. Рассказ патриарха о своей деревне включает в себя и тревогу писателя за судьбу русского крестьянства.

Ключевые слова: река, деревня, Шукша, миф, фамилия, этимон, патриарх

V. V. MAROSHI

Novosibirsk State Pedagogical University

THE RIVER OF THE GENESIS: SYMBOLISM OF THE SHUKSHA RIVER IN THE WORKS OF V. M. SHUKSHIN

The article deals with the episode of V. M. Shukshin's novel "I came to give you freedom" in the context of the author's mythology, geo-poetics and plots of Russian village prose. At the level of the implicit author the story of false Patriarch about the river and the village of Shuksha becomes a narrative with an etymological intention focused upon the names of the writer and a legend about the origin of his family. The false Patriarch and Patriarch Nikon embody the archetypes of the Russian strong hero and the wise old man with varying degrees of completeness, the lost Father. They are associated with Shukshin's search for the type of life-loving priest, not alien to carnal pleasures. This character is close to the ethical and aesthetic ideals of the writer. The Patriarch's story about his village includes the writer's anxiety for the fate of the Russian peasantry.

Keywords: river, village, the Shuksha River, myth, surname, etymon, patriarch

¹ Валерий Владимирович Мароши, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, теории литературы и методики обучения литературе ФБГОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»

Мифопоэтика и символика воды и реки в творчестве сибирских писателей исследована весьма подробно. Речь идет прежде всего о В.П. Астафьеве [Букаты, 2002], [Бобкова, 2004], [Дегтярева, 2010], [Ковтун, 2013] и В.Г. Распутине (добавим к первому списку работы [Королева, 2006], [Каминский, 2012]). В шукшиноведении она, применительно к Катуню и Волге, стала предметом пристального внимания для А.И. Куляпина и в его авторской монографии [Куляпин, 2016, с. 95–103], и в коллективной монографии, посвященной геопоэтике Шукшина [Богумил, 2017, с. 32–40].

Несмотря на разнообразие смыслов, в том числе и эсхатологических, связанных с рекой в художественных мирах сибирских авторов деревенской прозы, общим стержнем ее мифопоэтики для них становится мифологема «родной реки», утраченного в детстве Эдема, восходящая к библейскому образу рая: «Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. Имя второй реки Гихон [Геон]: она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель [Тигр]: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат» [Быт. 2, 10–14].

В отличие от лирического героя Н.С. Гумилева, Блудного сына, тоскующего о своей утраченной идентичности («А где-то струятся родимые реки, // К которым мне путь навсегда запрещен» [Гумилев, 1988, с. 263]), сибирские писатели и их герои получают шанс вернуться к «родимой реке», что обычно сопровождается особым чувствами счастья или соприкосновения с чем-то сакральным и прекрасным: «Пароход миновал Осиновский порог, и сразу Енисей сделался шире, раздольней, а высота берегов пошла на убыль. Чем шире становился Енисей, тем положе делались берега, утихало течение, река усмирялась, катила воды без шума и суеты. Я один стоял на носу парохода и, **счастливо успокоенный**, смотрел на **родную реку**, вдыхал прохладу белой, тихой ночи» [Астафьев, 1997, с. 244]¹; «Виктор вырос на этой реке, каждый божий день пропадал на ней с утра до ночи, и большая часть его детских и уже не детских радостей была связана с ней» [Распутин, 2015а, с. 12]; «Природа родного края отчеканивается в наших душах навеки. Я, например, когда я испытываю нечто вроде молитвы, то вижу себя на берегу старой Ангары, которой теперь нет, возле моей **родной Аталанки**, острова напротив и заходящее за другой берег солнце. Немало в жизни повидал я всяких красот, рукотворных и нерукотворных, но и умирать буду с этой картиной, дороже и ближе которой для меня ничего нет. Я верю, что и в моем писательском деле

¹ Выделено здесь и далее нами. – В.М.

она сыграла не последнюю роль: когда-то в неотмеченную минуту вышел я к Ангаре и обомлел – и от вошедшей в меня красоты обомлел, а также от явившегося из нее сознательного и материального чувства родины. Художником человек становится лишь тогда, когда свои собственные чувства он соединяет с общим народным и природным чувствилищем, в которые я верю не меньше, чем в совесть и истину, и в которых они, быть может, и проживают» [Распутин, 2015 б, с. 496]. Енисей с деревней Овсянка, Ангара с Аталанкой стали детским раем в рефлексии героев Астафьева и Распутина.

Не могут пройти мимо этого архетипа и современные городские авторы, подчеркивающие свою сибирскую идентичность. Так, повесть Е. Гришковца «Реки» (2005) заканчивается лирическим пассажем, вбирающим в себя разные типы сопричастности («моя», «наша», «сибирская»; «река» / «реки»): «И все-таки наша река!.. Таких рек, как наша, нет нигде. Сибирские реки! Быстрые, темные, и длинные, с крутыми поворотами, островами, стремнинами. Таких больше нигде нет. И это я говорю не для красного словца и не потому, что мне так кажется. Сибирские реки текут на север. Все! И в этом их беге к холодному Ледовитому океану есть какая-то мощная обреченность, отчаяние и сила, которая чувствуется, даже если ты не знаешь, куда течет река. Эту силу видно. <...> ... Я хорошо помню мою реку, и я хочу ее видеть, я рвусь к ней, хотя знаю, что если приеду, и буду стоять смотреть на нее, мне будет или холодно, или сыро, или меня что-нибудь отвлечет, озаботит, и не даст сосредоточиться, или будут кусать комары. Я знаю, что опять ничего особенного не почувствую. А она там течет, прямо сейчас. Течет там, где я испытывал одно новое ощущение за другим, и мог чувствовать все сильно. Так сильно, что теперь все свои сегодняшние ощущения, я могу только сравнивать с теми, которые были там. Там, в моем городе» [Гришковец, 2005, с. 189–190].

В этом ряду Шукшин, пожалуй, первым изобразил в цикле «Из детских лет Ивана Попова» (1968) и сформулировал в публицистике обозначенный выше образный комплекс, в котором у него на первый план в идиллических мотивах вышел мотив мощи, силы: «...мы уезжаем из дома. Вообще-то мне тоже нравится ехать. Вольно кругом, просторно... <...> – Вот здесь наша река последний раз к дороге подходит. Дальше она на запад поворачивает. Мы все некоторое время молча смотрим на **родимую** реку. Я вырос на ней, привык слышать днем и ночью ее ровный, глуховатый, **мощный** шум... Теперь не сидеть мне на ее берегах с удочкой, не бывать на островах, где **покойно и прохладно**, где **кусты ломаются от всякой ягоды**: смородины, малины, ежевики, черемухи, облепихи, боярки, калины... Не заводиться с превеликим трудом – так, что ноги в кровь и штаны на кустах оставишь – бечевой далеко вверх и никогда, может быть, не

испытать теперь **величайшее блаженство** – обратный путь домой» [Шукшин, т. 2, с. 316]; «Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда. <...> И какая-то **огромная мощь** чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо **коснуться**, чтобы обрести **утраченный** напор в крови» [Шукшин, т. 3, с. 645]. В рассказах отношение к родной Катунь выявляется в тех фрагментах его нарратива, которые выпадают из эпического прошедшего рассказа, а в публицистике соприкосновение с этой животворящей силой ориентировано на воображаемое настоящее и будущее. Еще более значимо, что оно предполагает близкий контакт («смотрим», «коснуться») в пространстве. Мифическое чувство мира обращено не в отдаленное и законченное прошлое, как эпическое предание, а в вечно актуальное настоящее встречи с сакральным, своего рода «здесь и сейчас».

Однако есть в шукшинском нарративе и еще одна река, указание на которую тоже выключено из романного претерита. В романе «Я пришел дать вам волю» это фрагмент монолога «лжепатриарха», чье присутствие должно «легитимизировать» восстание Степана Разина и самого лидера бунта: «– А вот – почесть мои родные места. Там вон в Волгу-то, справа, Сура вливается, а в Суру – малая речушка **Шукша**... Там и деревня моя была, тоже Шукша. Она разошлась, деревня-то. Мы, вишь, коноплю растили да поместнику свозили. А потом мы же замачивали ее, сушили, мяли, теребили... Ну, веревки вили, канаты. Тем и жили. И помещник тем же жил. Он ее в Москву отвозил, веревку-то, там продавал. А тут, на Покров, случилось – погорели мы. Да так погорели, что ни одной избы целой не осталось. И помещник наш сгорел. Ну, помещник-то собрал, чего ишо осталось, да уехал. Больше, мол, с коноплей затеваться у вас не буду. А нам тоже – чего ждать? Голодной смерти? Разошлись по свету, куда глаза глядят. Мне-то что? – подпоясался да пошел. А с семьями-то – вот горе-то. Ажник в Сибирь двинулись которые... Там небось и пропали, сердешные... У меня брат ушел... двое детишков, ни слуху ни духу.

– Ну, и пошел ты по базарам? – интересно было Степану.

– И пошел... По Волге шастал – люблю Волгу» [Шукшин, т. 1, с. 623].

«Вот», «там вон» в этом монологе обозначают пространственную близость к загадочной Шукше, которая так и не станет объектом изображения в нарративе и лишена какой-либо предметной конкретности. То небольшое, о чем мы узнаем из рассказа «патриарха», связано лишь с занятиями жителей деревни и ее исчезновением («погорели», «разошлись»). Река и деревня Шукша, с одной стороны, входят в художественное пространство романа как некая сложная аллюзия, знак индексальной, «указующей» и одновременно символической природы, с другой стороны –

существуют (и издавна существовали) в реальном топографическом пространстве современной Пензенской области (в виде реки, притока Суры, длиной около 80 км и деревни Усть-Шукши). Последнее позволяет исключить «вымышленность» Шукши: автор романа, очевидно, узнал о ее существовании то ли из семейных преданий, то ли во время поездки по Волге по местам будущих натуральных съемок фильма о Разине. Поскольку точных сведений об этом у нас нет, не исключен и вариант географической карты, на которой Шукшин обнаруживает «истоки» своего рода, и исторических источников, над которыми режиссер работал в процессе подготовки к фильму и написания романа.

У Шукшина возвращение к «родной реке» стало еще и частью его киноязыка: ни один из его фильмов не обходится без реки на заднике кадра с героем или даже панорамной съемки, как и в начале и концовке фильма «Ваш сын и брат» (1966). В период начала работы над фильмом о Разине Шукшин выезжает на берега родных вод своего героя Дона и Волги для подготовки натуральных съемок. В «Калине красной», как мы знаем, режиссером были освоены пейзажи Шексны и озер Белозерского края. По-видимому, Шукшу, реку, ничем не примечательную, он нашел на географической карте или услышал о ней из семейных преданий, поскольку нам ничего не известно о его поездке в Пензенскую область. Некоторая мистика, как известно, и в том, что и умер Василий Макарович на реке Дон, в каюте теплохода.

Первым, кто обратил внимание на очевидную этимологизацию фамилии писателя в этом фрагменте, был кинокритик Ю.П. Тюрин. Он в духе позднесоветской идеологии истолковал микронарратив о реке Шукше и одноименной деревне, рассказанный второстепенным персонажем, псевдопатриархом, в контексте «поиска в самом себе разинских черт», «разинских корней...» [Тюрин, 1984, с. 253–254]. Он же впервые поставил вопрос об источнике этой этиологической легенды: «вымысел это или семейное предание?» [там же]. В 1992 г., уже в иной социокультурной ситуации, свою интерпретацию этого отрывка предложила барнаульская исследовательница литературного творчества Шукшина С.М. Козлова. Она, с одной стороны, связала его с мифом об авторе-творце, а с другой – с двойственностью самого повествующего персонажа, мужицкого лже-патриарха: «В соединении названия пропавшей в Сибири деревни с фамилией писателя не следует искать указаний на родословную писателя. Название деревни Шукша у притока Суры связано с легендарным Васильградом и служит заданиям мифологизации личности писателя (Василий Шукшин) – миф о самосотворении мастера указывает на корень, исток духовного раскола, который переживает сам писатель, когда он, подобно своему “патриарху”, кормился на ярмарках суеты и тщеславия, а душу спасал в сrostкинской избе да бане, там искал и строил невидимый Васильград» [Козлова, 1993, с. 162]. На наш взгляд,

в этой трактовке содержится чрезмерное усложнение: и без Васильграда этимологизация личного имени (Василий – от «*βασιλιος*», «царский») значима для разных знаковых персонажей Шукшина, от «чудика» Василия Егоровича Князева до «мужицкого царя» Разина. В новейшей монографии смысл это аллюзии раскрывается А.И. Куляпиным в контексте «мифогеографии» Волги как родного локуса для предков Шукшина и «разинской» жизнетворческой стратегии автора [Богумил, 2017, с. 34–35].

Вписывание автором, его союзниками или конкурентами в литературном процессе одного из своих имен или его этимона в текст, как мы продемонстрировали в нашей монографии [Мароши, 2013], стало осознанным приемом в русской литературе со второй половины XIX в. Это, в свою очередь, стало переносом на автора весьма распространенного риторического топоса античности и христианского средневековья, значимого для изображения персонажа. Однако цели этого приема весьма разнятся у разных авторов в широком диапазоне от его использования в литературной полемике или собственном нарративе на правах каламбура или аллюзии до выстраивания полноценного авторского мифа. С какой же целью его использует Шукшин? Конечно, это не случайное совпадение, а аллюзия автора для читателей, вроде Левина у Льва Толстого. Все приведенные выше трактовки имеют право на существование, но нам хотелось бы продемонстрировать «осознанность» всех деталей этого «рассказа в рассказе» как некоего самостоятельного «субтекста» и метатекста, получающего свой полный смысл в контексте системы персонажей романа, автобиографии «конкретного автора», писателя Шукшина и, наконец, в контексте всей русской деревенской прозы как межавторского сверттекста.

Статусом «царский» (Василий – от «*βασιλιος*», «царский») наделяет героя анонимный «патриарх» из деревни Шукша: «Я мужика знаю, сам мужик, стало быть, знаю, какой нам царь нужен. – Какой же? – А мужицкий» [Шукшин, 1984, т. 1, с. 627]; «... из тебя, батька, царь выйдет» [там же]; «Ты бедных привечаешь – уже полцаря есть. Судишь по правде – вот и весь царь» [там же]; «Патриарх» очень сокрушался, что атаман так и не попарился. Банька была отменная, «царская» [там же, с. 629].

Поиски Шукшиным-режиссером способов авторского самовыражения в кино (закадровый комментарий, появление в качестве протагониста) и в литературном письме привели его к констатации больших возможностей именно словесного искусства: «В кинематографе авторский голос сегодня утрачивает свою выразительность. <...> В этом смысле какой-нибудь сто раз цитированный на экране ледоход говорит мне неизмеримо больше о чувствах героя, чем самый взволнованный и проникновенный актерский голос, звучащий за кадром» [Шукшин, 1981, с. 175]; «Только в литературном письме я вроде бы сумел до конца выразить всё, что мне хотелось» [там же, с. 182].

Обычно Шукшу связывают с Разиным, поскольку этот герой дан в речном ореоле Дона и Волги, как и все восстание: «Он очень любил реку» [там же, с. 624]; «И оглядывали в сторону берега: там все сидел атаман и все тихо покачивался, покачивался, как будто **молился богу своему – могучему, древнему – Волге**», с. 617; «– А вот скажи, Семка, – говорил Степан с Семкой-скоморохом, глядя на родимую реку и на облепивших ее казаков...» [там же, с. 448]. Действительно, любовь к реке и бане связывает столь непохожих друг на друга атамана и «патриарха»: «– И пошел... По Волге шастал – люблю Волгу» [там же, с. 624].

Для самого же автора любовь к реке – не только автобиографическая черта, но и черта русского человека, своих предков. Энергия природы как бы преобразуется в их витальность и упорство. В «Слове о «малой родине» самого Шукшина, написанном после «Печек-лавочек», писатель воображает себе своих предков с тех русских рек (Волга, Дон), которые стали местом действия романа «Я пришел дать вам волю»: «Завидую моим далеким предкам, их упорству, **силе огромной**... Представляю, с каким трудом проделали они этот путь – с севера Руси, с Волги, с Дона – на Алтай...» [Шукшин, 1985, т. 3, с. 642].

Почему же для представления гипотетических предков автора был выбран «лжепатриарх» с Шукши? В истории подобного персонажа не было, слухи о присутствии патриарха в окружении атамана распускали сами разинцы. Значит, он был нужен в художественной конструкции произведения.

Начнем с этимологии: в своем первоначальном значении «патриарх» – «родоначальник», «праотец», что для автора, ввиду анонимности персонажа, могло быть аллюзией на род Шукшиных: по свидетельству писателя, его отец, Макар Шукшин, как и лжепатриарх, тоже был богатырского телосложения: «Рассказывают, это был **огромный мужик**, спокойный, красивый... <...> Наверно, он был действительно **очень здоровый**: его почему-то называли двухсердечным» [Шукшин, 1998, с. 500]; «Особенно внушительно выглядел Никон – огромный, с тяжелыми ручищами, с дремучей пегой бородой» [Шукшин, 1984, с. 608]; «Громадина «патриарх» ступал важно, кивал головой...» [там же, с. 610]; «старый богатырь» [там же, с. 626]. Так что в одной смысловой перспективе это как бы символический предок рода Шукшиных, Праотец.

В системе персонажей романа значим и бывший патриарх Никон, которого восставшие хотят привлечь на свою сторону. Как известно, он был предметом особого интереса писателя, о нем, как и о Разине, Шукшин тоже хотел написать роман. Можно предположить, что причиной тому были не только реформаторские деяния Никона или его возможная связь с восставшими (в романе он всего лишь принимает их «посольство»).

Дело в том, что и Никон был богатырем, о чем свидетельствовали и его враги, вроде Паисия Лигарида, и биографы: «Никита был высокого роста, крепкого богатырского сложения, с колоритным лицом и выразительными глазами. В просторечии был мужчиной «кражий». Впоследствии его патриаршие одежды были тоже богатырские. Саккос Никона весил четыре пуда, омофор около полутора пудов. Никон служил в них и ходил в далекие крестные ходы. Все в нем было богатырское» [Карташев, 1992, с. 323]; «Страшен был рослый мордвин, облачение которого весило до двенадцати пудов, «чернец из мужиков» [Быков, 1891, с. 83]. В романе Никон находится в опале и оппозиции царю и характеризуется как «могучий», без уточнения, к физической силе или авторитетности относится эта частая у Шукшина характеристика: «В ту зиму к поверженному, но еще **могучему** патриарху Никону в Ферапонтов монастырь приходили донские казаки» [Шукшин, т. 1, 1984, с. 483].

Как и лжепатриарх в романе («– Сам-то я из мужиков, родом-то. Пока патриархом-то не сделался, горя помыкал» [там же, с. 623]), настоящий патриарх Никон тоже происходил «из мужиков», из крестьян. Очевидно, что социальное происхождение обоих патриархов близко Шукшину, «архетипу» мужика в русской культуре второй половины XX в. День интронизации Никона совпадает с днем рождения автора (25 июля). И, наконец, самое главное: он происходил из нижегородской мордвы, о чем упоминали все пишущие о нем: «... забывал свою нижегородскую мордовскую родину и хотел заставить себя стать греком» [Ключевский, 2003, с. 192]; «...и христианские монахи, и **мордовские колдуны** пророчили ему или царство, или патриаршество» [Соловьев, т. 5, 1995, с. 511]; [Быков, 1891, см. гл. 1 «В мордовской семье»].

И Никон, и Шукшин были уверены в своей русскости. Для Шукшина, близкого журналу «Наш современник» и «русской партии» советской интеллигенции, истоки рода, как это очевидно из выше приведенной цитаты о своих «сильных» предках, означали подтверждение своей исконно русской идентичности, перенесенной в Сибирь. В наше время в тренде размножившихся и гипертрофированных национальных и региональных идентичностей ее определили бы не просто как «мордовскую», но еще и как «эрзянскую» или даже «шокшо-эрзянскую». Шокша – этническая группа эрзян, выделяемая по диалектным особенностям Лингвисты, занимающиеся топонимикой, давно выяснили, что Шукша – это типично эрзянский топоним с гидроформантом «–ша» (утраченный корень, по-видимому, с семантикой небольшой «речки») [Поспелов, 2008, с. 335]. В свою очередь, Шукша происходит от Шокша, марийского. «шокш» («рукав»), по авторитетному мнению лингвиста Е.М. Поспелова [Поспелов, 1970, с. 99]. Поспелов нашел девять рек с

названиями Шокша и Шукша на территории от Мезени до Онежского озера и Поочья. Благодаря изысканиям самарского краеведа А.И. Носкова [Носков, 2008, с. 95], мы окончательно выяснили, что предки Шукшина, переселившиеся в XIX в. в Поволжье, относились к мордве, в составе которой этнографами и лингвистами по диалектным особенностям выделяется шокша – особая этническая группа эрзян, выделяемая по диалектным особенностям.

Шукшин упоминает о своих возможных мордовских корнях в контексте локуса родных Сросток, поделенных по кланово-локальному принципу на разные части: «Я родился в 1929 году (в «Мордве»), Уже колхозы были. Отец с матерью были колхозниками» [Шукшин, 1998, с. 39]; «Мордва, Дикари и Голожопка – это «расея»: Поповы, Бедаревы, Дегтяревы, Докучаевы... Мужики не такие крупные, как в Баклани или Низовке, но верткие и дружные» [там же, с.40]. Попова – это, как известно, девичья фамилия матери Шукшина. С этим же связано введение в повествование персонажа с подобной «этнонимом»: «И здесь тоже имелся один – Пашка Мордвин, невысокий, верткий, с большой кудрявой головой и мерными усмешливыми глазами. Поспорили: кто, кого перепляшет?» [Шукшин, т. 1, с. 158]. Нет достоверных свидетельств того, что Шукшин знал о своих мордовских / эрзянских предках, но, конечно, память о них и о переселении с Шукши в Поволжье, а оттуда в Сибирь могла передаваться в семейных преданиях.

Рассказ «патриарха» оставляет нереализованную для героя сюжетную вилку: отказ от борьбы, уход в Сибирь, обретение там чаемой им «воли»: «Ажник в Сибирь двинулись которые... Там небось и пропали, сердешные... У меня брат ушел... двое детишков, ни слуху ни духу» [там же, с. 623]; «– Они (жители Шукши. – В.М.) видно, далеко разошлись. В Сибирь-то много собиралось. Прослышали: земли там вольные...» [там же, с. 624]. Для мужицкого кругозора в романе большей воли и не нужно: «– А еслив не бывает, тада уж такой, какой бы не мешал мужикам. И чтоб не обдирал наголо. Вот какого надо. Тут и **вся воля мужицкая**: не мешайте ему землю пахать. Да ребятишек растить. Все другое он сам сделает: свои песни выдумает, свои сказки, свою совесть, указы свои... Скажи так мужику, он пойдет за тобой до самого конца...» [там же, с. 597]. Так что найденная уроженцами Шукши «воля» становится затекстовой перспективой и для самого Разина (далее в тексте следуют размышления о Ермаке), и для самого автора с его крестьянской генеалогией.

В мотивной системе романа патриарх Никон устойчиво связан с представлениями о «попе», пусть и самого высокого уровня: «Он в Ферапонтовом монастыре сидит: их с царем мир не берет. Не качнется ли в нашу сторону... – Какой из попа вояка! – удивился Иван. – Не вояка надобен – патриарх» [там же, с. 464]; «– Охота патриарха глянуть... Мне один бегун рассказывал про Никона: эт-то тебе не... –

Чего в ем? – поп и поп. – Самый высокий поп!..» [там же, с. 465]; «– А что Никон? – спросил вдруг Степан с искренним и давним интересом. – Глянется мне этот **поп!** Хватило же духу с царем полаяться... [там же, с. 557]; «– Так... Народ повалит, мужики. Патриарх... самый высокий **поп...**» [там же, с. 558].

Напомним, что до получения паспорта Шукшин по известным причинам был Василием Поповым. Таким образом, выбор обоих «патриархов» мотивирован сразу двумя вариантами родового имени писателя: эксплицитно – Шукшиным (от Шукши) и имплицитно – Поповым (от «поп»). Если писатель воображал себя Степаном Разиным, о чем сохранилось немало свидетельств, то почему бы ему не войти в роль «патриарха из мужиков»?

Приглядимся попристальнее к попам как шукшинским персонажам. С одной стороны, священство, за исключением Никона, явно не пользуется симпатиями автора в романе «Я пришел дать вам волю». С другой – в рассказе «Верую» появляется необычный поп, явно далекий от привычных представлений о православном священнике. Его возраст, портрет, пристрастие к алкоголю, жесты во время пляски очень похожи на «патриарха» из романа. Ср.: «Поп был крупный шестидесятилетний мужчина, широкий в плечах, с огромными руками. <...> И глаза у попа ясные, умные» [Шукшин, т. 2, 1985, с. 44] «Особенно внушительно выглядел Никон – огромный, с тяжелыми ручищами...» [Шукшин, т. 1, 1984, с. 608]; «**Старик** прищурил **умные** глаза» [там же, с. 610]; «У попа было много денег, они с Ильей часто пили спирт. Поп пил только спирт» [Шукшин, т. 2, 1985, с. 448]; «Патриарх» хлопнул чару и крикнул. И оглядел всех, святой и довольный. – Кхух!.. Ровно ангел по душе прошел босиком. Ласковое вино, – похвалил он» [Шукшин, т. 1, 1984, с. 609]; «– К старой не могу – змия люблю зеленого» [там же, с. 627]; «Громадина поп мощно кидал по горнице **могучее тело** свое, бросался с маху вприсядку [Шукшин, т. 2, 1985, с. 454]; «Патриарх» пошел отчебучивать вприсядку, легко кидал **огромное тело** свое вверх-вниз, вверх-вниз... Трудно было поверить, что – старик почти» [Шукшин, т. 1, 1984, с. 612]. У патриарха», вдобавок, трудно складываются отношения с женщинами: «– А был ли женат когда? – Пробовал – не выдюживали. Сбегали. Я не сержусь – чижало, конечно» [там же, с. 623]. Из контекста не совсем ясно, связано ли это с мужской неутомимостью персонажа или его вздорным характером. В любом случае, подобный «архетип», философствующий о смысле жизни, любящий выпивку, баню (единственный эпизод с устройством бани связан в романе именно с «патриархом»), публичную эксцентрику (рассказ патриарха о выступлениях на базарах с почти цирковыми номерами), был крайне симпатичен Шукшину, хотя во многом и не совпадал с образом конкретного автора.

Поп и «патриарх» с их размерами, мощью и плясовой удалью воплощают архетип «мудрого старика», жизнелюбца, соединяющего в себе этический и эстетический идеалы писателя Шукшина: «...этот дикий праздник, эта **огромная** лохматая **жизнь**, которая так размашисто и опасно радуется» (о пляске. – В.М.) [Шукшин, т. 1, 1984, с. 358]; «Никакой он (поп. – В.М.) не благодостный, не постный – не ему бы, не с таким рылом, горести и печали человеческие – **живые, трепетные нити** – распутывать [Шукшин, т. 2, 1984, с. 449]; «Есть суровый, **могучий** – Жизнь. Этот предлагает – добро и зло, вместе, это, собственно, и есть Бог» [Шукшин, т. 2, 1985, с. 451]; «Жизнь представляется мне бесконечной **студенистой массой** – теплое желе, пронизанное миллиардами кровеносных переплетений, нервных **прожилок**... Беспреданно вздрагивающее, пульсирующее, колыхающееся. Если художник вырвет кусок этой **массы** и слепит человечка, человек будет мертв: порвутся все жилки, пуповинки, нервные окончания съезжатся и увянут. Но если погрузиться всему в эту животорную **массу**, – немедленно начнешь – с ней вместе – вздрагивать, пульсировать, вспучиваться и переворачиваться» [Шукшин, 1981, с. 251] «Я же хочу верить в вечность, в вечную **огромную силу** и в вечный порядок, который будет» [Шукшин, т. 2, 1985, с. 450].

Такой могучий мужской герой связан у него обычно со стихией воды: Шукша, Волга для «патриарха», «океан» для попа («...а я сам пытаюсь дочерпаться до дна, но это – океан» [Шукшин, т. 2, 1985, с. 451], Белоозеро для ссыльного Никона. Так изображается, например, могучий старик дядя Емельян, бывший матрос, плотогон, рыбак, пастух из последнего рассказа писателя «Чужие». Авторы монографии о геопоэтике Шукшина уже отметили явную реминисценцию чеховского описания Енисея и черновых набросков к портрету дяди Емельяна из последнего рассказа писателя «Чужие» как «богатыря», не знающего, куда девать силу [Богумил, 2017, с. 56]. Это может быть реализовано и в фамилии персонажа (Федор Байкалов). Вода вопреки распространенной модели интерпретации архетипов, символизирует у Шукшина мужское и отцовское начало. Возможно, поэтому Ермак у него не тонет, а становится Агасфером, вечно бродящим призраком (о символике отца у Шукшина см. [Богумил, 2017, с. 69–71]).

Однако рассказ «патриарха» содержит в себе в имплицитном виде и этимологическую версию собственной фамилии. Основным занятием жителей деревни Шукша (Усть-Шукша существует и по сей день. – В.М.) он называет изготовление веревок из конопли «Там и деревня моя была, тоже Шукша. <...> Мы, вишь, коноплю растили да поместнику свозили. А потом мы же замачивали ее, сушили, мяли, тербели... Ну, веревки вили, канаты. Тем и жили» [Шукшин, 1984, т. 1, с. 623]. Василий Макарович, по-видимому, изучил вышедший в 1973 г. 4-й том «Этимологического словаря» М. Фасмера, где «шукша»

определяется как «очески конопли», колымск. (Богораз). Неясно» [Фасмер, 1987, с. 484]. В словарях русских фамилий Никонина и Федосюка, которые Шукшину тогда не могли быть известны, этимон фамилии уже связывается с технологией выращивания льна и конопли на русском Севере «...северное слово шукша, обозначающее отходы при чесании льна или конопли на Пинеге в Архангельской области [Никонов, 1993, с.176]; «Шукш'а – льняная костра, то есть волокна, остающиеся после трепания и чесания льна» [Федосюк, 2011, с. 212]. Далее в тексте романа следует обстоятельный рассказ «богатыря» о том, как он на спор с помещником несколько часов мял коноплю ногами, обутыми в деревянные колодки. Таким образом, Шукшину в силу его программной русской идентичности наиболее подошла «севернорусская» версия происхождения фамилии, которая выдвигалась ответственными оноματοлогами, уже прекрасно представлявшими себе его роль и место в русской культуре. Никаких следов этой «эрзянской» версии, этимологически, как мы уже выяснили, более достоверной, в романе мы не найдем.

Судьба деревни Шукша символична и как аллюзия на социокультурную перспективу русской деревни в историческом и актуальном планах. Ситуация сгоревшей и исчезнувшей, «разошедшейся» деревни Шукши («Она разошлась, деревня-то. <...> А нам тоже – чего ждать? Голодной смерти? **Разошлись по свету** куда глаза глядят» [Шукшин, т. 3, с. 623–624]) – общий социальный и эсхатологический сюжет для всей отечественной деревенской прозы, автобиографический мотив для самого писателя Шукшина и обиденный мотив для русской деревни, в которой регулярно повторялся голод. В русской прозе и поэзии XX в. сгоревшая или разошедшаяся деревня («Эпитафия» И.А. Бунина, «Погорельщина» Н. Клюева,

«Пожар» В. Распутина и др.) – это, прежде всего, «реалистический», а уже потом и элегический мотив, связанный с утратой прежнего идиллического мира.

У Шукшина он максимально сжат и лишен каких-либо деталей, замещающей собой как бы «большой нарратив», свернутый до микронарратива. Сам Шукшин в своих рассказах, статьях и выступлениях упоминает про сопоставимую ситуацию несколько раз, в контексте голодных 1930-х и второй половины 1940-х, времени собственного ухода, интенсивной миграции в города: «Кто повзрослее, тот помнит эти **голодные годы**... Большие семьи. Я не знаю, как у вас это было. У нас, в Сибири, это было страшно. Люди **расходились из деревень**, попадали на большие дороги. И на больших дорогах ожидало всё этих людей, особенно молодых, несмышленных, незрелые души... И пошли, значит, тюрьмы, пошли колонии...» [Шукшин, 2009,

с. 153–154]; «Деревня ведь у нас пошла, она пошла в город, вышла на дорогу. <...> С места деревня стронулась... вот на этом этапе, на этом своеобразном распутье, меня деревенский человек интересуется. **Вот он вышел из деревни. Что дальше?»** [Шукшин, 1981, с. 197].

Итак, Шукша как «мифическая» река / деревня и «патриарх» родом из этой деревни становятся символическими аллюзией и архетипом соответственно не только в рамках романа, но и в контексте творчества Шукшина в целом. Однако миф начинает жить своей собственной жизнью уже без вмешательства автора. Так, дочь писателя М.В. Шукшина, видимо, в «поисках корней» приезжает в 2010 г. в Усть-Шукшу для общения со старожилками деревни, а пензенский журналист и блогер А. Бахмутов якобы встречает во время мелиоративных работ в русле реки Шукши призрак писателя. До этого он, уже, конечно, подготовил своих читателей к возможности такого «явления» духа Шукшина на Шукше в целой серии публикаций. То, что для Шукшина было «виртуальным» и граничило с шуткой, словесной игрой («речушка Шукша»), имеет все шансы превратиться в местную легенду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Астафьев, В. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7 / В. Астафьев. – Красноярск, Офсет, 1997. – 547 с.

Бобкова, Ю. Г. Символика воды в текстах ранних произведений В.П. Астафьева / Ю.Г. Бобкова // Астафьевские чтения: Вып. 2 (17–18 мая 2003 года). – Пермь: Мемориал центр истории полит. репрессий «Пермь-36», 2004. – С. 27–32.

Богумил, Т. А. Геопэтика В.М. Шукшина / Т.А. Богумил, А.И. Куляпин, Е.А. Худенко. – Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2017. – 176 с.

Букаты, Е. М. Поэтика художественного пространства в прозе В.П. Астафьева («Последний поклон», «Царь-рыба», «Прокляты и убиты»): дис. ... канд. филол. наук / Е.М. Букаты. – Томск, 2002. – 197 с.

Быков, А. А. Патриарх Никон. «Общественная польза», 1891 / А.А. Быков. – 112 с.

Гришковец, Е. Реки / Е. Гришковец. – Москва: Махаон, 2005. – 192 с.

Дегтярева, В. В. Мифологемы водного мира в творчестве В.П. Астафьева / В.В. Дегтярева // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2010. – № 2. – С. 214–219.

Каминский, П. П. «Время и бремя тревог». Публицистика Валентина Распутина / П.П. Каминский. – Москва: Флинта, Наука. – 240 с.

Карташев, А. В. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2: Очерки по истории Русской Церкви / А.В. Карташев. – Москва: Терра, 1992. – 569 с.

Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций: в 2 кн. Книга 2. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2002. – 791 с.

Ковтун, Н. В. Русская традиционалистская проза: идеология и мифопоэтика: учеб. Пособие / Н.В. Ковтун. – Красноярск: Сибирск. федер. Университет, 2013. – 352 с.

Козлова, С. М. Поэтика рассказов В.М. Шукшина / С.М. Козлова. – Барнаул: изд-во АГУ, 1992. – 184 с.

Королёва, С. Ю. Художественный мифологизм в прозе о деревне 1970–1990-х г.: дис. ... канд. филол. наук / С.Ю. Королева. – Пермь: ПГУ, 2006. – 191 с.

Куляпин, А. И. Семиотика художественного пространства В.М. Шукшина / А.И. Куляпин. – Барнаул: АлтГПУ, 2016. – 160 с.

Мароши, В. В. Имя автора в русской литературе: поэтическая семантика, прагматика, этимология: в 3 ч. / В.В. Мароши. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013.

Никонов, В. А. Словарь русских фамилий. Сост. Е.Л. Крушельницкий / В.А. Никонов. – Москва: Школа–Пресс, 1993. – 226 с.

Носков, А. И. Новое о предках В.М. Шукшина / А.И. Носков // Отечественные архивы. Научно-практический журнал. – 2008. – № 4. – С. 95–97.

Поспелов, Е. М. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера / Е.М. Поспелов // Вопросы географии. Сборник восемьдесят первый «Местные географические термины». – Москва, 1970. – С. 96–105.

Поспелов, Е. М. Географические названия России: топонимический словарь / Е.М. Поспелов. – Москва: АСТ: Астрель, 2008. – 528 с.

Тюрин, Ю. П. Кинематограф Василия Шукшина / Ю.П. Тюрин. – Москва: Искусство, 1984. – 319 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4: Т – Ящур / М. Фасмер. – Москва: Прогресс, 1987. – 864 с.

Федосюк, Ю. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь / Ю. Федосюк. – Москва: Флинта: Наука, 2011. – 240 с.

Распутин, В. На родине. Рассказы и очерки / В. Распутин. – Москва: Алгоритм, 2015. – 336 с.

Распутин, В. Г. У нас остается Россия: Очерки, эссе, статьи, выступления, беседы / В.Г. Распутин. – Москва: Институт русской цивилизации, 2015. – 1200 с.

Соловьев, С. М. Сочинения: в 18 кн. История России, 1613–1657 гг. Царствование Михаила Федоровича, Алексея Михайловича Романовых. Кн.5: История России с древнейших времен. Т. 9–10 / С.М. Соловьев. – Москва: Голос, 1995. – 748 с.

Шукшин, В. Вопросы к самому себе / В. Шукшин. – Москва: Молодая гвардия, 1981. – 256 с.

Шукшин, В. Собрание сочинений: в 3 т. / В. Шукшин. – Москва: Молодая гвардия, 1984–1985.

Шукшин, В. М. Собрание сочинений: в 6 кн. Кн. 1. Охота жить. Рассказы / В.М. Шукшин. – Москва: Изд-во «Надежда-1», 1998. – 512 с.

REFERENCES:

Astaf'ev, V. Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 7 / V. Astaf'ev. – Krasnoyarsk, Ofset, 1997. – 547 s.

Bobkova, YU. G. Simvolika vody v tekstah rannih proizvedenij V. P. Astaf'eva / YU. G. Bobkova // Astaf'evskie chteniya: Vyp. 2 (17–18 maya 2003 goda). – Perm': Memorial centr istorii polit. represijj «Perm'-36», 2004. – S. 27–32.

Bogumil, T.A. Geopoetika V.M. SHukshina / T.A. Bogumil, A. I. Kulyapin, E.A. Hudenko. – Barnaul: Izd-vo AltGPU, 2017. – 176 s.

Bukaty, E. M. Poetika hudozhestvennogo prostranstva v proze V.P. Astaf'eva («Poslednij poklon», «Car'-ryba», «Proklyaty i ubity»): dis. ... kand. filol. Nauk / E.M. Bukaty. – Tomsk, 2002. – 197 s.

Bykov, A. A. Patriarh Nikon / A.A. Bykov // «Obshchestvennaya pol'za», 1891. – 112 s.

Degtyareva, V. V. Mifologemy vodnogo mira v tvorchestve V. P. Astaf'eva / V. V. Degtyareva // Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva. – 2010. – № 2. – S. 214-219.

Fasmer, M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. T. 4: T – Yashchur / M. Fasmer – Moskva: Progress, 1987. – 864 s.

Fedosyuk, YU. Russkie familii. Populyarnyj etimologicheskij slovar' / YU. Fedosyuk. – Moskva: Flinta: Nauka, 2011. – 240 s.

Grishkovec, E. Reki / E. Grishkovec. – Moskva: Mahaon, 2005. – 192 s.

Kaminskij, P. P. «Vremya i bremya trevog». Publicistika Valentina Rasputina / P.P. Kaminskij. – Moskva: Flinta, Nauka. – 240 s..

Kartashev, A. V. Sobranie sochinenij: v 2 t. T. 2: Ocherki po istorii Russkoj Cerkvi / A.V. Kartashev. – Moskva: Terra, 1992. – 569 s.

Klyuchevskij, V. O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij: v 2 knigah. Kniga 2 / V. O. Klyuchevskij. OLMA Media Grupp, 2003. – 791 s.

Korolyova, S. YU. Hudozhestvennyj mifologizm v proze o derevne 1970–1990-h g.: diss. ... kand. filol. nauk / S. YU. Korolyova. – Perm', PGU. 2006. – 191 s.

Kovtun, N. V. Russkaya tradicionalistskaya proza: ideologiya i mifopoetika: ucheb. Posobie / N. V. Kovtun. – Krasnoyarsk: Sibirsk. feder. Universitet, 2013. – 352 s.

Kozlova, S.M. Poetika rasskazov V.M. Shukshina / S.M.Kozlova. – Barnaul: izd-vo AGU, 1992. – 184 s.

Kulyapin, A. I. Semiotika hudozhestvennogo prostranstva V. M. SHukshina / A. I. Kulyapin. – Barnaul: AltGPU, 2016. – 160 s.

Maroshi, V. V. Imya avtora v russkoj literature: poeticheskaya semantika, pragmatika, etimologiya : v 3 ch. / V.V. Maroshi. – Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2013.

Nikonov, V.A. Slovar' russkih familij / Sost. E.L. Krushel'nickij / V.A. Nikonov V.A. – Moskva: SHkola–Press, 1993. – 226 s.

Noskov, A. I. Novoe o predkah V.M. SHukshina / A. I. Noskov // Otechestvennye arhivy. Nauchno-prakticheskij zhurnal. – № 4 (2008 g.). – S. 95–97.

Pospelov, E. M. Metod geograficheskikh terminov v analize substratnoj toponimii Severa / E. M. Pospelov // Voprosy geografii. Sbornik vosem'desyat pervyj «Mestnye geograficheskie terminy». – Moskva: 1970. – S. 96-105.

Pospelov, E. M. Geograficheskie nazvaniya Rossii: toponimicheskij slovar' / E.M. Pospelov. – Moskva: AST: Astrel', 2008. – 528 c.

Rasputin, V. Na rodine. Rasskazy i ocherki / V. Rasputin V. – Moskva: Algoritm, 2015. – 336 s.

Rasputin, V. G. U nas ostaetsya Rossiya: Ocherki, esse, stat'i, vystupleniya, besedy / V.G. Rasputin. – Moskva: Institut ruskoj civilizacii, 2015. – 1200 s.

Shukshin, V. Voprosy k samomu sebe / V. Shukshin V. – Moskva: Molodaya gvardiya, 1981. – 256 s.

Shukshin, V. Sobranie sochinenij v 3 t. / V. Shukshin. – Moskva: Molodaya gvardiya, 1984–1985.

Shukshin, V. M. Sobr. soch. 6-ti knigah. Kn. 1. Ohota zhit'. Rasskazy / V.M. Shukshin. – Moskva: Izd-vo «Nadezhda-1», 1998. – 512 s.

Solov'ev, S.M. Sochineniya: V 18 kn. Istoriya Rossii, 1613–1657 gg. Carstvovanie Mihaila Fedorovicha, Alekseya Mihajlovicha Romanovyh. Kn. 5: Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. 9–10 / S.M. Solov'ev. – Moskva: Golos, 1995. – 748 s.

Tyurin, Y. P. Kinematograf Vasiliya SHukshina / Y.P. Tyurin. – Moskva: Iskusstvo, 1984. – 319 s.